

Нагано — новое оружие РНО

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

Несмотря на отказ недостроенного Международного дома музыки принять в своих стенах Кента Нагано и Российский национальный оркестр, выступление знаменитого дирижера и его жены — пианистки Мари Кодама — все же состоялось, но на день раньше намеченного срока и в другом месте — привычном и родном Большом зале Консерватории.

Согласие Кента Нагано войти в дирижерскую коллегию РНО стало одним из главных козырей в пользу создания этой самой коллегии, которое хотя и имеет некие прецеденты в истории, но все же является абсолютно нехоженой тропой для российских оркестров. Еще рано говорить о достоинствах и недостатках нового способа существования РНО. Но то, что Кент Нагано теперь не заезжий беспечный гастролер, а в некотором роде один из руководителей, — это отрадно.

В последнее время в программах Кента Нагано все чаще доминируют сочинения широко известные и часто исполняемые. Это, видимо, связано с желанием маэстро избавиться от накрепко приклеенного и не слишком справедливого ярлыка — «специалист по современной музыке». Программу московского концерта можно было назвать вызывающе консервативной: «Прелюды» Листа, «Фантастическая симфония» Берлиоза и Второй фортепианный концерт Шопена.

Поставленные в открытие листовские «Прелюды» оказались едва ли не лучшим моментом концерта. Кроме чудесного и тонкого оркестрового колорита, эффектных и вместе с тем «очевидных» нюансов Нагано сумел в этом отнюдь не самом великом сочинении добиться неожиданного ощущения метафизики.

Исполнение Мари Кодама Второго шопеновского концерта было далеко не столь впечатляющим. Пианистка, известная своими интерпретациями Шенберга, Берга и Прокофьева, в Шопене демонстрировала все то, что мы так часто слышим от бесчисленных и безликих конкурсанток с Дальнего Востока. Спорная и излишне сентиментальная фразировка, досадная неуверенность в сложных пассажах, явный дефицит forte. Лишь изредка Мари Кодама баловала слушателя изысканными pianissimi во второй и третьей октавах — очень красивых, но совершенно недостаточных для общего впечатления.

Шопен стал ложным выбором пианистки, которая здесь же, в Москве, в эти самые дни записывала вместе с Нагано и РНО малоизвестный концерт Карла Лева. Побывав на репетиции, с уверенностью могу сказать, что в этом сочинении Мари Кодама производила совершенно иное, куда более интересное впечатление. Возможно, стоило пойти на риск и поставить в программу именно этот концерт или какой-нибудь другой раппорт, в котором пианистка по крайней мере избежала бы нежелательных сравнений.

«Фантастическая симфония» Берлиоза полностью изгладила из памяти досаду, оставшуюся от Шопена. Маэстро мастерски играл тембрами, расставлял неожиданные акценты (к чести оркестра — весьма точно артикулированные), постоянно заставляя вспоминать о программности «Фантастической симфонии», где каждой части предпослана развернутая пояснительная записка самого Берлиоза. И все же интерпретация Кента Нагано скорее обнажала точную просчитанность романтических порывов композитора, чем скрывала эту характерную французскую расчетливость. Чего-то не хватало. Некоторой, всегда желаемой русским слушателем, сердечности, душевной трепетности? Впрочем, это было сыграно блестяще, и если говорить об оправданных ожиданиях, то здесь Нагано и РНО упрекнуть не в чем.

Модернист Нагано в Москве решил стать романтиком Фотограф: Никита Рыбаков/Газета